

Некоторые аспекты турецко-израильской конкуренции за Азербайджан

Комментарий Центра АРВАК, 17.11.2025

Аннотация

АРВАК анализирует трансформацию характера взаимоотношений Турции и Израиля в контексте их конкуренции за влияние на Азербайджан. Рассматривается эволюция подходов Анкары (долгосрочная «мягкая сила», идеология пантюркизма, ориентация на общество) и Тель-Авива (ориентация на элиты, военно-техническое сотрудничество, иранский фактор, энергетическая безопасность). Отмечается, что до недавнего времени Баку удавалось успешно балансировать между двумя стратегическими партнерами, что нашло отражение в их консолидированной поддержке Азербайджана в ходе его нападения на НКР в 2020 и 2023 гг.

Однако радикальное ухудшение двусторонних турецко-израильских отношений, эскалировавшее после событий октября 2023 г., привело к переносу их антагонизма на азербайджанскую площадку. Рассматриваются конкретные случаи, свидетельствующие о прямом столкновении интересов. Азербайджан стоит перед дилеммой выбора приоритетного союзника, при этом утрачивая инструменты для лавирования (включая энергетический рычаг), что создает фундаментальные вызовы для устойчивости политического режима республики в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: *Азербайджан, Турция, Израиль, турецко-израильские отношения, Южный Кавказ, внешняя политика, геополитическая конкуренция, иранский фактор, энергетическая безопасность, «Великий Туран», палестино-израильский конфликт, «Авраамические соглашения», Нагорный Карабах, Баку-Тбилиси-Джейхан.*

С самого момента формирования тесных партнерских и союзнических отношений Баку с Анкарой и Тель-Авивом в экспертном сообществе актуализировался вопрос о том, где же проходит граница, за которой интересы Турции и Израиля на азербайджанском треке могут приобрести характер фундаментальных противоречий.

Безусловно, турецко-израильская конкуренция в обретшем независимость постсоветском Азербайджане носила перманентный характер. Она была обусловлена стремлением обеих сторон максимизировать свое влияния на элиты прикаспийского государства, обеспечить геополитическую лояльность Баку, получить доступ к энергетическим ресурсам и военной инфраструктуре, а также использовать Азербайджан в качестве рынка сбыта продукции своего ВПК. В отдельных случаях эта конкуренция принимала достаточно острые формы, однако, судя по динамике азербайджано-турецких и азербайджано-израильских отношений, правящему в Азербайджане режиму до последнего времени удавалось балансировать между обоими своими союзниками, очевидно, обозначив для них границы и степень допустимого влияния в различных сферах жизнедеятельности республики.

Партнерство Азербайджана с Турцией, впоследствии трансформировавшееся в стратегическое союзничество, инициировалось с начала 1990-х гг., сразу после распада СССР и обретения Баку суверенитета. Генезис этих отношений связан не с семьей Алиевых, а с националистическими элитами, недолгое время управлявшими прикаспийской республикой и открыто провозгласившими стратегический курс на сближение с Турцией, обусловленный этноязыковой общностью и, что немаловажно, историческим фактом кратковременного патроната Османской империи над

Азербайджанской Демократической Республикой (АДР), правопреемником которой, согласно собственной конституции, считает себя современный Азербайджан.

Азербайджано-турецкие связи в последние три десятилетия развивались в эволюционной логике и без форсированной динамики, что было обусловлено сохранением военно-политического и экономического присутствия России в регионе Южного Кавказа и, в частности, в Азербайджане. Кроме того, значительную роль в этом процессе сыграли историко-цивилизационные и ментальные особенности населения Азербайджана, которое на протяжении веков формировалось в орбите политического и культурного влияния Персии, а затем – России.

Учитывая все перечисленные факторы, Турция обозначала свое присутствие в Азербайджане постепенно и сдержанно, применяя инструменты «мягкой силы», формируя идеологему неизбежности общетюркской интеграции и апеллируя к ставшему в Азербайджане особенно актуальным дискурсу поиска собственной исторической идентичности. Анкара терпеливо ожидала, когда азербайджанское общество в ментальном и культурном плане интегрирует образ жизни и мировоззрение турецкой цивилизационной матрицы, когда постсоветские элиты уступят место политикам и деятелям новой формации и когда сменится поколение, работа с которым уже не будет сопряжена с мировоззренческими трудностями. Подобная последовательная стратегия воздействия на азербайджанское общество на уровне личностей не могла не обеспечить Турции всестороннюю политическую лояльность Азербайджана, концептуализированную в провозглашенном Гейдаром Алиевым лозунге «Одна нация – два государства».

В отличие от Турции, Израиль интенсифицировал обширную деятельность по установлению партнерских и союзнических отношений с Азербайджаном значительно позже – с начала 2010-х. Причем эта деятельность была преимущественно ориентирована на работу с элитами и практически не затрагивала широкие общественные массы. Это имеет свое объективное объяснение: еврейство и тюркские народности Южного Кавказа в историко-цивилизационном, а тем более в этногенетическом плане не имели значимых точек соприкосновения, а азербайджанская государственность, являясь продуктом XX века, не могла иметь исторического опыта отношений и каких-либо точек взаимовлияния с еврейской государственностью. В этом контексте ссылки обеих сторон на многовековое благополучное пребывание еврейской общины в Азербайджане как на фундамент крепких отношений двух народов и государств представляются демонстративным, но лишенным предметного содержания декларативным тезисом. Обособленная многовековая жизнь еврейской общины в пределах Персии, а затем и под российской юрисдикцией, никак не могла служить основой для установления союзнических отношений между Азербайджаном и Израилем и тем более – фактором, влияющим на геополитические комбинации Тель-Авива в регионе с использованием в них Баку.

Базой азербайджано-израильских союзнических отношений и детерминирующими ее факторами являются иранский фактор, вопросы энергетической безопасности Израиля и потребность азербайджанской армии в технологическом перевооружении. Именно поэтому для достижения своих целей в Азербайджане у Израиля нет необходимости работать с

широкими массами; для него актуально лишь взаимодействие с правящим режимом и элитами. Отчасти этим и объясняется диссонанс между неприятием подавляющим большинством азербайджанского общества Израиля как «*антиисламского агрессора*» и абсолютно лояльным к нему отношением правящей в Азербайджане верхушки.

Об успешной комбинации азербайджанским руководством взаимодействия с Турцией и Израилем прежде всего свидетельствуют Карабахская война 2020 г. и акт окончательной ликвидации Нагорно-Карабахской Республики в 2023 г. В эти периоды Анкара и Тель-Авив не только обеспечили Баку консенсус по вопросу захвата и насильственной ликвидации второго армянского государственного образования, но и приняли самое непосредственное участие в боевых действиях. Открытые источники указывают, что стороны практически в равной степени оказывали поддержку Азербайджану в развязанных военных кампаниях, обеспечив его новейшим технологическим оружием, техническими средствами разведки и связи, инструкторами и консультантами командного уровня, подразделениями специального назначения и т. д. Заинтересованность Анкары и Тель-Авива в силовом решении Карабахской проблемы, которое имело для Баку экстраординарное значение и привело к установлению нового баланса сил в регионе, позволяет говорить о том, что у Турции и Израиля наблюдался консенсус относительно будущего Южного Кавказа и новой роли союзного им Азербайджана в нем.

Однако степень компромисса и одновременно конкуренции Турции и Израиля в работе с Баку определялись не только их интересами непосредственно на азербайджанском треке, но и в значительной мере формировались под воздействием всего спектра взаимодействия и противоречий в турецко-израильских отношениях. Анкара и Тель-Авив фактически являлись тесными партнерами с момента основания еврейского государства. В 1949 г. Турция стала первой мусульманской страной, официально признавшей государство Израиль. В 1952 г. Турция стала членом НАТО, а в 1987 г. США предоставили Израилю статус «*основного союзника вне НАТО*».

Между Анкарой и Тель-Авивом отсутствует договор о военно-политическом союзнчестве. Однако, учитывая ведущую роль США в Североатлантическом альянсе и особую роль Израиля в ближневосточной доктрине США, сближение Анкары и Тель-Авива, а также синхронизация и согласованность действий с учетом глобальных интересов возглавляемого Вашингтоном натовского альянса в регионе были практически неизбежными. Стороны наладили тесные торгово-экономические отношения (в том числе «Договор о свободной торговле» 1996 г. с взаимной отменой таможенных пошлин), а также еще ранее установили прочное сотрудничество в области поставок продукции ВПК, обмена разведанными, а также в других сферах военно-технического взаимодействия – как в рамках отношений Израиль–НАТО, так и в двустороннем формате Израиль–Турция.

Ключевая роль США в формировании этого негласного «ближневосточного альянса» была неоспоримой: именно Вашингтон выступал регулятором баланса отношений между Турцией и Израилем, необходимого для геостратегического сдерживания СССР, а затем и России в Передней Азии. С уходом СССР с международной арены и инерционным ослаблением России необходимость сохранения этого баланса заметно ослабла для НАТО и Вашингтона. Кроме того, начиная с 1990-х гг.

значительную роль в этом процессе сыграли расхождения в подходах политических элит и фракций США к иранской проблеме, арабской повестке и всей геополитической конструкции обширного региона, что стало причиной дезинтеграции сложившегося там порядка. В этих условиях Турция и Израиль постепенно начали проводить более самостоятельную региональную политику, что потенциально несло в себе угрозу столкновения интересов по многим вопросам региональной политики.

Противоречия в турецко-израильских отношениях накапливались годами, однако их отправной точкой принято считать инцидент с так называемой «Флотилией свободы» в конце мая 2010 г., после которого кризис в отношениях до настоящего времени только углублялся. Многочисленные попытки различных администраций США, а также представителей ЕС и других региональных посредников сбалансировать эти отношения и вернуть их в прежнюю парадигму не увенчались успехом, учитывая объективные обстоятельства разновекторности ориентиров Анкары и Тель-Авива в регионе, а также субъективный фактор взаимной неприязни лидеров Р. Т. Эрдогана и Б. Нетаньяху.

Кризис достиг своего апогея после атаки ХАМАС 07.10.2023 на Израиль и последовавшими вслед за этим операциями ЦАХАЛ в Газе и на других палестинских территориях. Новый виток палестино-израильского конфликта способствовал практически полному коллапсу политико-дипломатических отношений между Тель-Авивом и Анкарой, прекращению их «остаточных» программ военно-технического сотрудничества и сведению к рекордному минимуму видимых торгово-экономических отношений.

Противоречия охватили и углубились фактически по всему спектру региональных проблем, к которым стороны имеют отношение в той или иной степени. Основными из них являются сирийская повестка, иранская дилемма, комплекс вопросов, связанных с будущим балансом сил в Восточном Средиземноморье, кипрский конфликт, курдский фактор и другие.

Ситуация обострилась до такой степени, что учрежденный израильским правительством специальный орган – т. н. «Комитет Нагеля» – после детального изучения военного потенциала Анкары и динамики ее военно-политических действий в регионе рекомендовал властям еврейского государства готовиться к войне с Турцией. По мнению докладчиков комитета, Турция потенциально представляет более ощутимую угрозу для Израиля, чем Иран.

В свою очередь, турецкий военно-политический истеблишмент ощутимо радикализировал антиизраильскую риторику, а в обществе активно культивируются антисемитские настроения. Логическим следствием политико-пропагандистской кампании против еврейского государства стал выданный в начале ноября 2025 г. Стамбульским судом ордер на арест Биньямина Нетаньяху и еще 36 представителей израильского правительства и армейского командования, с обвинениями в организации «геноцида» в Газе. По мнению ряда экспертов, это стало ответом Анкары на решительный отказ Тель-Авива включить турецкие подразделения в состав планируемого миротворческого контингента в Газе.

Следовало ожидать, что в условиях критического обострения отношений консенсус между Турцией и Израилем на азербайджанском треке будет нивелирован. И если стороны, несмотря на кризис и отчетливые признаки зарождающейся вражды, до

последнего времени старались избегать прямого конфликта интересов в Азербайджане, а Баку достаточно успешно лавировал между ними, то сейчас сохранение прежнего баланса становится крайне проблематичным.

В этом контексте показательным примером могут послужить данные израильских источников, согласно которым именно давление Турции предотвратило процесс вступления Азербайджана в т. н. «Авраамические соглашения», к чему настойчиво побуждали И. Алиева Тель-Авив и Вашингтон. Анкара, по имеющейся информации, расценила эту программу как угрозу ослабления своих позиций в Баку, а также как потенциальную опасность вовлечения в ирано-азербайджанский военный конфликт, который, по уверениям Тегерана, станет неизбежным в случае вступления Баку в «авраамический клуб». Очевидно, что в этом же контексте следует трактовать внезапный отказ европейских раввинов от проведения уже запланированной конференции в Баку – якобы по соображениям безопасности. По некоторым сведениям, инициатором отмены все же выступил Азербайджан, вынужденный пойти на этот шаг под сильным давлением Анкары. Кроме того, есть предположение, что Анкару сильно раздражает возможность участия азербайджанских военных в составе миротворческого контингента в Газе. С учетом отсутствия перспектив участия Турции в этой инициативе благоволение Израиля к азербайджанцам не может не вызывать ревности Анкары, поскольку вовлечение Баку в миротворческую операцию в Газе также станет дополнительным фактором укрепления израильского влияния в Азербайджане.

Признаки ужесточения борьбы Турции и Израиля, перекинувшейся на азербайджанскую площадку, настолько очевидны, что способствуют активному распространению слухов о якобы причастности Израиля к инциденту с крушением 12.11.2025 военно-транспортного самолета турецких ВВС в воздушном пространстве Грузии. Согласно этим нарративам, поддерживаемым также рядом комментаторов в турецких СМИ, Тель-Авив стал крайне негативно относиться к динамике наращивания турецко-азербайджанского взаимодействия, особенно в военной области.

Если военное столкновение Турции и Израиля на определенном этапе в какой-либо форме и на какой-либо геополитической площадке действительно произойдет, это будет означать, что либо США не в состоянии контролировать ситуацию, либо намеренно подводят стороны к подобной развязке. В обоих случаях Баку едва ли удастся избежать распространения конфликтности на своей территории без поддержки Запада, поскольку Турция и Израиль успели закрепить на ней свои прочные позиции и обозначить интересы. В этом случае все существующие у правящего режима инструменты, позволяющие до последнего времени лавировать и сохранять за Азербайджаном имидж модератора турецко-израильских споров, могут быть утрачены. В числе прочего речь может идти о нефтепроводе Баку–Тбилиси–Джейхан, который до недавнего времени позволял Баку не только обеспечивать солидные бюджетные поступления от экспорта энергоносителей в Израиль, но и удерживать Анкару и Тель-Авив от резкой эскалации на азербайджанском треке. На определенном этапе Турция может отказаться от предоставления возможности транзита азербайджанской нефти, либо Израиль сам может отказаться от азербайджанского нефтяного экспорта (по некоторым данным, Тель-Авив уже ведет активную работу по диверсификации поставок),

что крайне негативно отразится не только на азербайджанской экономике, но и лишит Баку важного инструмента балансирования между интересами Турции и Израиля.

Резюмируя обзор, следует отметить, что официальный Баку уже сейчас стоит перед дилеммой приоритетности своих отношений с Турцией и Израилем. Сложность ситуации заключается в том, что оба партнера уже обладают достаточными инструментами влияния в республике, чтобы в случае необходимости создать для нее серьезные внутренние и геополитические проблемы. При этом они в равной мере не откажутся от возможности выдвижения своей повестки военно-политическим и финансово-экономическим элитам республики.

Для Турции Азербайджан важен не только как надежный союзник, обеспечивающий укрепление позиций Анкары в утраченных два столетия назад регионах Южного Кавказа, но и как геополитический плацдарм для продолжения экспансии в Центральную Азию – навстречу реализации идеологемы «Великого Турана». Израиль же рассматривает Азербайджан как надежного союзника из среды исламского мира с секулярной системой государственности, а также как перспективную площадку для сдерживания и геополитического контроля над традиционным противником – Ираном. Ставки в конкурентной борьбе Анкары и Тель-Авива за полную лояльность южнокавказской республики настолько высоки, что давление на правящий в ней режим, как ожидается, будет лишь усиливаться.

Турецко-израильское соперничество на азербайджанском треке – еще одно серьезное испытание для Баку, который уже является площадкой столкновения интересов Запада и Ирана, а также Запада и России. Это очередной вызов равновесию республики, оказавшейся в геостратегической зоне столкновения глобальных акторов, и проверка на прочность правящего в ней политического режима.